

A woman with long dark hair, wearing a traditional Indian orange and gold lehenga with intricate embroidery, is performing a dance. She holds two lit candles, one in each hand, raised to shoulder height. She is adorned with a necklace, bangles, and armlets. The background is dimly lit with warm, glowing lights, suggesting an indoor setting like a bar or a stage. The overall mood is romantic and dramatic.

Ominayashi

*Танец для того, кто
не может хлопнуть*

Ominayashi

**Танец для того, кто
не может хлопать**

«Автор»

2026

Ominayashi

Танец для того, кто не может хлопать / Ominayashi — «Автор»,
2026

«Танец для того, кто не может хлопать» — история о любви и свободе в пыльной Индии, где бар с вывеской «Освобождение» держит рабыню, а свобода — не слово на двери, а состояние, которое невозможно отнять. Зара, танцовщица бхаратнатьям, принадлежит хозяйке бара Уше. Неон — раб, купленный торговцем Гиридхаром, — стоит у стены и смотрит, как она танцует. Между ними четыре метра пыльного пола, прикосновение ладоней на три секунды и имя, которое он забыл: Нил, как река. Хозяева разводят их — его на север, её на юг, — и два года каждый живёт только тем, что помнит. Зара перестаёт танцевать, потому что танец без Нила — речь без слов. Неон бежит не к свободе, а к ней — свобода лишь территория между ними. В Мадрасе, на берегу Бенгальского залива, без музыки и зрителей, Зара снова танцует — и Неон находит её по жесту, который узнал бы из миллиона.

Ominayashi

Танец для того, кто не может хлопать

Танец для того, кто не может хлопать

Глава первая, в которой появляется бар и не появляется свободы

В городе, название которого вы всё равно не запомните — да и зачем? — на узкой улочке, пахнувшей кардамоном и козьим навозом, между лавкой, где слепой старик чинит зонтики, и храмом, посвящённому божеству, которого никто давно уже не помнит, стоял бар. Нет, не так. Стоял — это слишком определённое слово для того, что делал этот бар. Он скорее вращался в землю, как старое дерево вращается корнями в глину, — медленно, неотвратно и с чувством собственного достоинства, которое у деревьев вообще-то не принято замечать, но мы-то с вами знаем.

Бар назывался «Мукти». На двери не было вывески — зачем вывеска, если все и так знают? Слово «мукти» означает «освобождение», и это была, конечно, шутка. Вся Индия, если присмотреться, состоит из таких шуток: храмы, посвящённые забытым богам; школы, где учат забывать; бары, называющиеся «Освобождение», из которых не выходит никто.

Внутри пахло жасмином — потому что хозяйка, по имени Уша, каждый вечер клала в медную чашу у входа свежие цветы, — и ещё пахло потом, и прокисшим ласси, и дымом благовоний, которые не столько курили, сколько терпели. Стены были выкрашены когда-то давно, может быть, в другой эпохе, в цвет, который хотел быть синим, но получился каким-то неопределённым, как небо перед муссоном, когда оно ещё не решило — дождь будет или нет. На стенах висели зеркала — кривые, мутные, в латунных рамках, — и это тоже было похоже на шутку, потому что в зеркалах бара «Мукти» никто не отражался таким, каким хотел бы себя видеть. Люди выглядели в них старше, меньше и более потерянными, чем были на самом деле. Или, может быть, наоборот — зеркала говорили правду, а люди врут себе всю жизнь. Кто ж разберёт.

Потолок был высокий — метров пять, не меньше, — и в нём, под самым верхом, крутились лопасти вентилятора, которые работали настолько медленно, что их скорее можно было принять за ленивых насекомых, зависших в воздухе из принципа. Вентилятор не столько охлаждал, сколько делал вид, что старается. Под ним сидели люди, которые делали тот же самый вид, только по отношению к собственной жизни.

Пол был каменный, потёртый до блеска тысячами босых ног и шлёпанцев, и в самом его центре была небольшая площадка — возвышение, сантиметров двадцать, — выложенная тёмным мрамором, прожилки которого в свете керосиновых ламп казались багровыми, как полосы заката. Это была сцена. На ней танцевали.

Танцовщиц в «Мукти» было пять, но по-настоящему танцевала одна.

Её звали Зара.

Глава вторая, в которой Зара танцует, и мы пытаемся понять, что это значит

Зара не была из тех танцовщиц, которые приходят в бар, как на работу. Она была из тех, для которых танец — это способ дышать. Я понимаю, как это звучит — «способ дышать» — но я не знаю, как сказать иначе. Видели вы когда-нибудь, как рыба, которую вынули из воды, вдруг снова оказывается в реке? Вот эта секунда, этот взмах хвоста, это исчезающее кольцо на воде — вот это и был танец Зары. Не танец, а возвращение.

Она была невысокой, тонкой, с запястьями, которые казались хрупкими — но это была ложная хрупкость, как у бамбука, который гнётся до земли и не ломается. Кожа у неё была тёмная, как чай из ассамских листьев, если заварить его крепко и не разбавлять молоком, а

волосы — длинные, чёрные, тяжёлые, заплетённые в косу, в которую были вплетены белые цветы чампы — те самые, что пахнут так, будто кто-то открыл дверь между этим миром и тем, где всё проще и больнее. На лбу — бинди, красная точка, как капля крови, как третий глаз, который не закрыт, как у прочих, а приоткрыт — совсем чуть-чуть, как у кошки, которая видит вас, но делает вид, что спит.

Когда Зара выходила на площадку, в баре происходила странная вещь: разговоры не замолкали — нет, — но менялся их ритм, как будто кто-то незаметно переставил метроном. Люди начинали говорить тише, медленнее, и даже пьяницы, которые к этому часу обычно уже забыли, зачем они здесь, поднимали глаза и смотрели — не потому что хотели смотреть, а потому что смотреть на Зару было так же естественно, как дышать, и так же трудно, как не дышать.

Она танцевала бхаратнатьям — или что-то похожее на бхаратнатьям, но не совсем, потому что бхаратнатьям — это храмовый танец, а Зара танцевала в баре, и разница между храмом и баром, при всей их очевидности, иногда бывает не так уж велика. Руки её двигались так, словно рассказывали историю, — и история была каждый раз одна и та же, но каждый раз другая, как река, которая течёт по одному и тому же руслу, но вода в ней — всегда новая.

Ноги — босые, с подкрашенной хной подошвой — ударяли по мрамору, и звук был сухой, чистый, как стук костяшек домино, и из этого звука складывался ритм, в который хотелось войти, как в прохладную комнату с улицы, где сорок градусов в тени, а тени нет.

Хозяйка бара, Уша, — женщина с лицом, похожим на старый манго: сморщенное, но сладкое, — говорила, что Зара танцует так, будто просит чего-то. «Чего просит — не знаю, — добавляла Уша, доливая в чашу у входа новые цветы. — Но когда дождь просят, он иногда приходит».

Зара была рабыней. Я не сказал вам этого раньше, потому что не хотел, чтобы вы знали это до того, как увидите её танец. Теперь, когда вы видели, — знайте. Она принадлежала Уше — или Уша принадлежала ей, — и эта неопределённость была, может быть, единственной свободой, которую Зара имела: свободу быть чьей-то и не быть ничьей одновременно.

Глава третья, в которой появляется Неон, и всё становится сложнее

В тот вечер — а вечера в Индии, позвольте заметить, случаются не так, как где-либо ещё; они не наступают, а просачиваются, как свет сквозь пальцы, — в тот вечер в бар «Мукти» вошёл человек.

Вошёл — не то слово. Он был внесён. Как мебель вносится в дом, как мешок с рисом вносится на склад, как судьба вносится в чужую жизнь — без спроса, без стука, без объяснений. Его звали Неон, и он был рабом.

Хозяин Неона, Гиридхар, был торговцем — не крупным, не мелким, а такого размера, который в Индии означает: достаточно богат, чтобы иметь рабов, и недостаточно богат, чтобы это кого-то удивляло. Гиридхар был человек вида «большой живот, маленькие глаза, золотой браслет на правой руке, который звенит, когда он считает деньги, — а считает он всегда». Он приходил в «Мукти» раз в неделю, садился у дальней стены, заказывал тумблер виски — не потому что любил виски, а потому что тумблер был большой и в нём видно отражение, — и смотрел на танцовщиц.

Неон стоял позади него. Стоял — не сидел. Рабы не сидят в присутствии хозяина, это правило настолько старое, что никто уже не помнит, кто его придумал, но все соблюдают, как соблюдают правила, которые забывать опасно. Неон стоял, и был он высок — выше всех в баре, — и худ, и его руки, сложенные за спиной, казались вырезанными из тёмного дерева: тик, может быть, или палисандр. Лицо у него было спокойное, как поверхность озера в безветрие, и только глаза — большие, почти чёрные, с длинными ресницами, которые у мужчин не положено, но природе всё равно — глаза жили отдельной жизнью. Они смотрели.

Они смотрели на Зару.

Зара танцевала. Она не видела его — не в первый вечер, нет. В первый вечер она танцевала для всех и ни для кого, и её глаза были обращены внутрь, как у тех, кто молится, — а может, она и молилась, кто разберёт, где в Индии кончается танец и начинается молитва. Но на второй вечер, когда Гиридхар снова пришёл и снова сел, и Неон снова встал позади него, — на второй вечер что-то изменилось.

Она почувствовала его взгляд. Не увидела — почувствовала, как чувствуешь солнце сквозь закрытые веки: не видя, но зная, что оно есть, и что оно — для тебя. Она сделала поворот — мудра, абханайя, переход, — и в этом повороте, в полусекунде, когда её лицо оказалось обращено к дальнему углу зала, она увидела его. Стоящего. Высокого. С глазами, которые смотрели на неё так, как будто смотрели давно — всю жизнь, может быть, или дольше.

И она споткнулась.

Зара не спотыкалась. Никогда. Ритм был в ней, как пульс, как прилив, как смена времён года. Но тут — споткнулась, и на долю секунды её босая нога коснулась мрамора не в такт, и звук вышел другой, и Уша, сидевшая у кассы, подняла голову, и несколько человек в зале заметили, потому что заметить, когда совершенный танец ломается на мгновение, — это как заметить, когда птица задевает крылом поверхность зеркального озера: круги идут, идут, идут...

Неон не шевельнулся. Только его руки за спиной сжались чуть крепче, и браслет Гиридхара звенел, звенел, звенел, считая деньги, которые в этот момент не имели никакого значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.